

Глава 4. Да здравствует мелкая буржуазия!

Фрагмент 17. Знакомство с оклеветанным классом

“ Никакое обогащение не в состоянии компенсировать ущерб... от оскорбляющих достоинство и вредящих свободе соглашений.

Р. Г. Тоуни

Настало время замолвить слово о мелкой буржуазии. В отличие от рабочего класса и капиталистов, не страдающих от недостатка трибунов и горлопанов, эта формация редко, скорее, почти никогда не заявляет о себе. Капиталисты объединяются в промышленные ассоциации и встречаются на Всемирном экономическом форуме в Давосе, рабочие собираются на профсоюзные конгрессы, а единственная известная мне конференция буржуа имела место в 1901 году в Брюсселе (I Международный конгресс мелкой буржуазии). Второго конгресса не было.

Зачем же я подаю голос за класс, который по-прежнему не имеет собственного имени и, конечно же, говоря на марксистском жаргоне, не является собственно классом? По нескольким причинам. Во-первых (и это самое главное), мне думается, что буржуазия и мелкие собственники в целом представляют собой драгоценный оазис самостоятельности и свободы в пределах государств, где всё сильнее господствуют крупные государственные и частные бюрократические структуры. Независимость и свобода, помноженные на взаимность — это главная идея анархизма. Во-вторых, я убежден, что мелкая буржуазия жизненно необходима обществу и экономике при любой политической системе.

Наконец, если достаточно широко определить границы мелкой буржуазии как класса, окажется, что это самый многочисленный класс в мире. Если мы включим в этот класс не только продавцов, но и малоземельных крестьян, ремесленников, коммивояжеров, независимых профессионалов и мелких торговцев, всё имущество которых составляет тележка или лодка и пара инструментов, численность этого класса резко возрастет. Если мы включим в число мелких буржуа тех, кто находится на периферии этого класса, например, фермеров и арендаторов, пахарей, взявших напрокат лошадь или вола, старьевщиков и рыночных торговков, которые обладают меньшей независимостью и

меньшим имуществом, численность мелкой буржуазии становится ещё больше.

У всех перечисленных мной есть нечто общее, что отличает их и от служащих, и от рабочих — по большей части они вольны распоряжаться своим рабочим временем и трудятся почти или вовсе без контроля извне. Безусловно, такая самостоятельность может выглядеть сомнительной, поскольку в действительности выливается в работу по 18 часов в день за деньги, которых едва хватает на жизнь. Однако ясно, и мы в этом вскоре убедимся, что стремление к независимости, к возможности распоряжаться своим рабочим временем и ощущение свободы и самоуважения, о которой мечтают многие, зачастую недооцениваются.

Фрагмент 18. Этиология презрения

Прежде чем хвалить мелкую буржуазию, нам следует задуматься о том, почему её как класс так поносят. Презрение, которое марксисты выражают по отношению к мелкой буржуазии, отчасти обусловлено структурными причинами. Капиталистическая промышленность создала пролетариат, поэтому только освобождение пролетариата может привести к преодолению капиталистической системы. Любопытно, хотя и логично, что марксисты неохотно, но всё же уважают капиталистов, которые преодолели феодализм и выпустили на свободу огромные производительные силы современной промышленности. Они подготовили почву для пролетарской революции и триумфа коммунизма в мире материального процветания. Напротив, мелкая буржуазия — ни рыба ни мясо: в целом они бедны, но при этом они капиталисты. Иногда они могут вступить в союз с левыми, но такой союз недолговечен: на их лояльность нельзя полагаться, так как они одной ногой стоят в лагере рабочих, а другой — в капиталистическом, желая в итоге стать крупными воротилами. Буквальный перевод французского слова «petite» на английский язык как «petty» (ближайшее значение этого слова по-русски будет «пустячная» или «крохоборская») ещё больше усугубляет ситуацию.

После большевистской революции ярлык «мелкобуржуазности» мог означать тюрьму, ссылку или смерть. Презрение к мелкой буржуазии сочеталось с микробной теорией заболеваний, что в дальнейшем нашло отражение в антисемитизме нацистов. Бухарин клеймил восставших рабочих и матросов Кронштадта такими словами: «мелкобуржуазная зараза крестьянства распространилась среди части рабочего класса» [20]. Крестьян, которые сопротивлялись коллективизации, также описывали подобными словами: «действительная угроза буржуазных миазмов и мелкобуржуазных бацилл всё ещё присутствует — поэтому необходима дезинфекция» [21]. В этом случае бациллами, о которых шла речь, были почти всегда мелкие землевладельцы, имевшие в своём распоряжении немного лишних денег и поэтому способные во время уборки урожая нанимать нескольких работников. И, конечно же, подавляющее большинство мелких буржуа — это относительно бедные, трудолюбивые люди, имущества которых едва достаточно для того, чтобы сводить концы с концами; если они и эксплуатируют кого-то, так это членов своей патриархальной семьи — кто-то назвал это «самоэксплуатацией» [22]. Нелюбовь к мелкой буржуазии, по моему убеждению, имеет структурную основу, которую разделяют как страны бывшего соцлагеря, так и крупные капиталистические демократические страны.

Кризис 1929 года, который вынудил Сталина начать стремительную коллективизацию, заключался именно в провале попыток государства экспроприировать у крестьян-единоличников достаточного количества зерна. В принципе, любой политический строй всегда больше расположен к формам производства, которые легко обложить налогами. По этой причине государство почти всегда было непримиримым врагом тех, кто был мобилен, — цыган, скотоводов, коммивояжёров, полукочевых земледельцев, рабочих, занятых отхожими промыслами, так как они подвижны, а посему их деятельность непрозрачна и ускользает от наблюдения государства. По этой же причине государства всегда предпочитали мелким сельхозпроизводителям и частному предпринимательству крупные сельхозпредприятия, коллективные хозяйства, плантации и государственные торговые базы. Корпорации, банки и объединения предпринимателей для власти всегда предпочтительнее малых и даже средней руки торговли и промышленности. И пусть крупные предприятия зачастую менее эффективны, чем мелкие, зато налоговые органы могут легче отслеживать их, регулировать и облагать налогом. Чем сильнее стягивается налоговая удавка государства, тем более вероятно, что в ответ возникнет серый или чёрный, то есть неформальный и нерегулируемый рынок. Впрочем, бесспорно, что в системе власти всегда найдутся привилегированные места для крупнейших компаний — это им гарантируют их размеры и платёжеспособность.

Фрагмент 19. Мечтания мелких буржуа: соблазн собственности

Если попытаться очень кратко изложить очень длинную историю, то Homo sapiens существуют как вид около 200 тысяч лет. Государства были «изобретены» примерно пять тысяч лет назад, но бóльшая часть человечества еще тысячу лет назад жила без каких-либо намеков на образования, которые можно было назвать государством. Большинство живущих в государствах людей относились к мелким собственникам — это были крестьяне, ремесленники, лавочники, торговцы. В XVII веке, когда стало зарождаться самоуправление, права на него распределялись исходя из статуса и богатства. Крупные бюрократические организации, характерные для нашего времени, возможно, создавались и строились по принципу монастыря или казармы, но в сущности своей они появились только в последние два с половиной столетия. Иначе говоря, люди долгое время жили вне государства, и потом, вплоть до XVIII века, они сильно различались между собой в зависимости от того, были ли они формально несвободными (рабами, крепостными и зависимыми) или мелкими собственниками, которые составляли значительную часть населения и теоретически, а часто и практически обладали определёнными правами: создавать семью, владеть землей и наследовать её, организовываться в цеха, выбирать старост и бить челом монархам. Таким образом, относительная самостоятельность и независимость подчинённых классов принимала две формы: либо жизнь на обочине, контролировать которую государство было не в состоянии, либо жизнь в рамках государства и с минимальными правами, какие давало обладание небольшим имуществом.

Подозреваю, что невероятное стремление многих людей в совершенно разных обществах к обладанию собственным земельным наделом, собственным домом, собственным магазином объясняется не только минимальной самостоятельностью, то есть возможностью распоряжаться собой, и уверенностью, которую такое обладание давало. Связанные с обладанием имуществом статус, достоинство и почёт в глазах и государства, и соседей также играют большую роль. Томас Джефферсон считал независимое малое крестьянское хозяйство местом воспитания добродетелей и основой для демократической гражданственности:

“ Обработывающие землю суть наиболее ценные граждане: они самые энергичные, самые независимые, самые добродетельные и сильнее всего привязаны к своей стране и любят её свободу [23].

Изучая материалы о крестьянских сообществах, я не мог не обратить внимания на то, с какой невероятной силой даже малоземельные крестьяне держались за самый маленький клочок земли, тогда как чисто логически с экономической точки зрения они бы выиграли, взяв землю в аренду на более выгодных условиях или переехав жить в город. Те, у кого не было своей собственной земли, стремились взять участок в долгосрочную аренду, желательно у родственников — и с точки зрения статуса это было лишь немного хуже, чем владеть землей. Те же, у кого не было ни земли, ни возможности арендовать её на хороших условиях, вынуждены были батрачить на других людей, но изо всех сил держались хотя бы за свой огорожок. С точки зрения чистого дохода, многие арендаторы были богаче, чем мелкие землевладельцы, а многие батраки — богаче некоторых арендаторов. Однако для крестьян решающей была разница в самостоятельности, независимости и, соответственно, в социальном статусе. Землевладелец, в отличие от арендатора, ни от кого не зависел, а арендатор отличался от наёмного работника тем, что, пусть и в течение некоторого времени, но имел землю и мог управлять своим рабочим временем. Батрак, со своей стороны, впадал в унижительную зависимость от доброй воли своих соседей и родственников. Но крайней степенью унижения была потеря последнего материального символа независимости — земельного надела.

Спускаясь по социальной лестнице, мы наблюдаем снижение экономической безопасности и уменьшение независимости. Однако мечта мелкой буржуазии состояла, в сущности, не в абстрактном вычислении безопасного дохода, а в глубоком желании полностью участвовать в делах своей маленькой общины. Обладать имуществом значило иметь возможность праздновать свадьбы, похороны и, как, например, в одной малайской деревне, праздник окончания поста Рамадан, что позволяло людям показать свою социальную значимость и подчеркнуть свой статус. «Середняки», имевшие достаточно ресурсов для отправления этих ритуалов, были не только самыми влиятельными людьми в деревне, но и примерами для подражания. Если человек сильно недотягивал до этого стандарта, то он переходил в другой, низший разряд.

Разбитые мечты мелкой буржуазии по традиции зажигают революцию. «Землю крестьянам» — этот лозунг в той или иной форме всегда повторялся во время аграрных революций. Крестьянскую революцию 1917 года в России подстегнули солдаты, побежденные на

австрийском фронте и немедленно поспешившие домой, чтобы участвовать в переделе и захватах земли. Для многих т. наз. «голых палок» (непривязанных, «лишних») — безземельных наёмных работников — перед революцией 1949 года в Китае Народно-освободительная армия давала драгоценный шанс завоевать свой собственный земельный надел, жениться и достичь, наконец, желанной возможности полноценно участвовать в жизни общества, включая и право на достойные похороны. Ключом (или приманкой?) к активному участию крестьян практически во всех революциях XX века были обещания, что они получат землю, а значит, и социальный статус, и независимость. Когда же за земельной реформой следовала коллективизация, большинство крестьян воспринимали её как предательство их надежд, и поэтому сопротивлялись ей.

Мечтаниями мелкой буржуазии тешится и промышленный пролетариат. Поразительный пример этого — воинственные шахтеры и сталевары Рурского бассейна, самые что ни на есть «красные» рабочие, на которых Ленин возлагал большие революционные надежды в 1919 году [24]. Когда их спрашивали, чего они хотят, выяснялось, что их чаяния удивительно просты. Как и ожидалось, они хотели повышения зарплаты, сокращения рабочего дня и увеличения продолжительности перерывов. Однако помимо того, что марксисты уничижительно называют «профсоюзным самосознанием», они жаждали уважения со стороны начальства (чтобы их называли господами) и мечтали о собственном доме с садом. Вряд ли стоит удивляться тому, что недавно переехавшие из сел в город пролетарии мечтают все еще по-деревенски, но их требования уважения и независимости трудно согласуются как со стереотипом «экономически озабоченного» рабочего класса, которому нужен только длинный рубль, так и со архетипом революционного пролетариата.

На протяжении последних нескольких десятилетий в опроснике общественного мнения у рабочих в США значился один и тот же вопрос: какую работу они предпочли бы заводу? На удивление, многие из них выразили желание открыть магазин или ресторан или заняться сельским хозяйством. Общая тема, прозвучавшая в этих мечтах — это свобода от постоянного контроля и самостоятельный режим рабочего дня, что в их глазах более чем компенсировало переработки и риски, связанные с таким малым бизнесом. Большинство рабочих, разумеется, никогда не воплощают свои мечты в реальность, но постоянство, с которым у них возникает эта фантазия, явно показывает её силу.

Для тех, кто испытал на себе настоящее, не «наёмное» рабство, пределом их мечтаний была возможность независимого существования — какой бы эфемерной она ни была [25]. После освобождения рабы в южных штатах снялись с мест и поселились на границах сельскохозяйственных плантаций, и на этих не принадлежащих никому общественных землях они жили, едва сводя концы с концами. Имея ружье, мула, корову, рыболовный крючок, несколько кур, гусей и плуг, можно было, наконец, жить независимо и работать «на дядю» лишь изредка, чтобы удовлетворить потребность в деньгах. Точно так же за счёт ничейных земель жили и белые бедняки, избегая тем самым унижительной зависимости от более богатых соседей. Результатом этого был крах плантаторской экономики, восстановленной в существенно измененном виде только в 1880-х годов, после принятия на Юге законов об огораживании, которые были направлены на то, чтобы лишить независимых черных и белых доступа к ничейным землям и вернуть их на рынок труда. В результате этих законов возникла печально знаменитая система издольного земледелия, вследствие

которой США вплотную подошли к крепостному праву.

Стремление к независимости настолько сильно, что может принимать довольно извращённые формы. В условиях завода, конвейер которого настроен таким образом, чтобы уменьшить самостоятельность до ничтожно малых значений, рабочие, выражая свою независимость, все-таки умудряются выкроить время для «баловства» [26]. Рабочие сборочного конвейера автозавода в Ривер-Руже торопятся сделать всё побыстрее, чтобы потом подремать в уголке или почитать или поиграть в опасную игру «заклёпочный хоккей». Рабочие в социалистической Венгрии использовали рабочее время для изготовления битков — небольших обточенных кусков металла — даже если они никак не могли их впоследствии использовать. Рабочие отвергают объективацию и скуку, свойственные системе труда, направленной на уничтожение «игры», и творчески утверждают свою независимость.

Весьма хитроумно смог использовать стремление людей к владению собственностью и автономии себе на пользу современный сельскохозяйственный бизнес. Типичным примером этого является практика контрактного птицеводства [27]. Зная, что скопление большого количества птиц в одном месте опасно с эпидемиологической точки зрения, крупные сельхозпредприятия отдают выращивание бройлеров «независимым» фермерам. Субподрядчик должен всего лишь в соответствии с подробными инструкциями, составленными фирмой Тайсон или другими корпорациями, построить большой курятник и взять на себя его содержание. Сельхозкорпорация поставляет ему цыплят и в деталях расписывает в контракте условия питания, водоснабжения, лечения и режим уборки, необходимые принадлежности для которых можно приобрести у самой этой корпорации. Повседневная деятельность субподрядчика плотно контролируется. Оплата в конце договорного периода зависит от привеса животных и количества выживших, с учётом изменившейся рыночной конъюнктуры. Зачастую контракт продлевается, но нет никакой гарантии, что так будет происходить всё время.

В этой системе отвратительно то, что она сохраняет видимость независимости и самостоятельности, при этом почти полностью лишая её содержания. Субподрядчик является независимым землевладельцем и налогоплательщиком, но его рабочее время и деятельность контролируются почти так же, как и деятельность рабочих на конвейере. Нет, ему никто не дышит в затылок, но если контракт не продлят, он остаётся один на один с ипотекой величиной с курятник. В сущности, предприятие снимает с себя риски владения землей, выплаты по кредитам и управление большим количеством рабочей силы — которая могла бы требовать привилегий — при этом пользуясь преимуществами плотного наблюдения, стандартизации и контроля качества, для обеспечения которых и задумывались современные фабрики. И это работает! Стремление ухватиться за последний кусочек человеческого достоинства и почувствовать себя независимым собственником так велико, что «фермер» охотно пренебрегает почти всем его значением [28].

Может быть, анархисты и упустили из виду что-нибудь, касающееся человеческой природы, но их убежденность в стремлении к утверждению достоинства и самостоятельности мелких собственников была весьма проникательной. Мечта, которую мелкая буржуазия лелеяла в отношении независимости, хотя теперь и стала менее достижимой, не умерла вместе с

эпохой индустриальной революции, а напротив, обрела новую жизнь.

Фрагмент 20. Отнюдь не самые мелкие социальные функции мелкой буржуазии

Стремление получить землю или вернуть себе потерянную землю было лейтмотивом большинства радикально эгалитарных массовых движений — от диггеров и левеллеров времен гражданской войны в Англии, мексиканских повстанцев 1911 года, испанских анархистов на протяжении почти целого столетия до многих антиколониальных движений и массовых движений в современной Бразилии. И если бы они не апеллировали к мечтаниям мелкой буржуазии, у них не было бы шансов.

Презрение Маркса к мелкой буржуазии было немногим меньше его презрения к люмпен-пролетариату и основывалось на том, что они были мелкими собственниками, а значит, мелкими капиталистами. Только пролетариат, новый класс, порожденный капитализмом и не имеющий собственности, мог быть поистине революционным: освобождение этого класса зависело от преодоления капитализма. Хотя теоретически эти рассуждения выглядят разумными, исторически сложилось, что на западе вплоть до конца XIX века ремесленники — ткачи, сапожники, печатники, каменщики, каретных дел мастера, плотники — составляли ядро самых радикальных рабочих движений. Будучи старым классом, они придерживались коммунитарной традиции, набора эгалитарных практик и локальной сплочённости, которой не хватало новонабранным рабочим заводов и фабрик. И конечно же, значительные изменения в экономике, начавшиеся с 1830-х гг., угрожали их существованию как класса. Поэтому главной социальной базой радикализма всегда были крестьяне и мелкие городские ремесленники. Как говорил Баррингтон Мор, вторя Эдварду Томпсону, «главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этого можно заключить, что истоки человеческой свободы лежат не только там, где их видел Маркс — в чаяниях классов, которые должны были прийти к власти — но, возможно, ещё в большей степени в прощальном стоне классов, по которым вот-вот должна была прокатиться волна прогресса» [29].

В эпоху холодной войны стандартной мерой для предотвращения революции была упреждающая земельная реформа, хотя её порой блокировали элиты. Неолиберальный тренд в таких организациях, как Всемирный Банк, взял верх только после распада социалистического лагеря в 1989 году, после чего земельная реформа была снята с повестки дня. Хотя загнанный в угол класс мелких собственников и породил несколько правых движений, невозможно писать историю борьбы за равенство, не упомянув в числе первых ремесленников и крестьян, жаждавших независимости мелкой собственности.

Немало можно сказать и о ключевой роли, которую благодаря изобретениям и инновациям мелкая буржуазия играет в экономике. Они — первопроходцы в использовании

подавляющего большинства новых процессов, машин, инструментов, промышленных изделий, продовольственных товаров и идей, хотя обычно основными выгодоприобретателями становятся не они [30]. Нигде этот тезис не становится более очевидным, чем в современной софт-индустрии, где почти все новаторские идеи создаются отдельными людьми или маленькими стартапами, а затем покупаются или поглощаются более крупными фирмами. Роль гигантов, в сущности, сводится к «сканированию» новых концепций и затем к присвоению любой потенциально успешной (или угрожающей) идеи путём найма на работу, вытеснения из бизнеса или покупки. Конкурентное преимущество крупных компаний лежит в основном в их капитализации, маркетинговых возможностях, способности лоббировать свои интересы и вертикальной интеграции, а не в оригинальных идеях и инновациях. Поэтому, хотя справедливо утверждение, что мелкая буржуазия не может отправить человека на Луну, построить самолёт, организовать добычу нефти в океаническом шельфе, управлять больницей или создать и продать новое лекарство или мобильный телефон, способность огромных корпораций осуществлять всё это в большой степени зависит от их способности сочетать тысячи более мелких изобретений и процессов, которые они не создавали и, возможно, не смогли бы создать самостоятельно [31]. Безусловно, это тоже важная инновация сама по себе. Однако ключ к олигопольному положению крупнейших фирм на рынке лежит именно в их способности уничтожить или поглотить потенциальных соперников. Поступая так, они, без сомнения, в одинаковой степени и препятствуют инновациям, и способствуют им.

Фрагмент 21. «Бесплатные обеды» за счёт мелкой буржуазии

“Тот, кто не умеет улыбаться, не должен открывать лавку.

Китайская пословица

Не так давно я провел несколько дней в Мюнхене в гостях у своей знакомой, в доме её пожилых родителей. Они были в весьма преклонном возрасте и мало выходили из дома, однако каждым прохладным летним утром они обязательно гуляли по своему кварталу. Мы с моей знакомой сопровождали их на этих прогулках по магазинам в течение нескольких дней, и эти вылазки с полным основанием можно было назвать «обходом магазинов».

Сначала они шли в лавку зеленщика и покупали там немного овощей и бакалеи. Потом они заходили в соседний магазин, где продавались масло, молоко, яйца и сыр. После этого они шли в мясную лавку за куском свинины, затем в ларек за фруктами, и, наконец, полюбовавшись на играющих в маленьком парке детей, зашли в газетный киоск и купили там журнал и местную газету. Последовательность их действий казалась неизменной, и в каждом магазине они обязательно останавливались, чтобы поговорить — обстоятельно или кратко, в зависимости от количества других покупателей. Они обменивались комментариями по поводу погоды или недавнего ДТП неподалеку, узнавали, что нового произошло у их общих знакомых или родственников, кто родился в районе, как поживает

чья-то дочь или сын, жаловались на раздражающий шум машин и так далее.

Можно, конечно, сказать, что их общение было пустым и сводилось к обмену любезностями и разговору о пустяках. Но они никогда не были анонимными: собеседники знали как имена друг друга, так и истории их семей. Я был ошеломлен тем, как легко, хотя и поверхностно, люди начинали общаться, и пришел к выводу, что эти прогулки были главным событием дня для родителей моей знакомой. Они легко могли бы купить всё, что нужно, причём более эффективно, в большом магазине, который находился на примерно том же расстоянии от их дома. Если подумать, то лавочники — это своего рода неоплачиваемые социальные работники, обеспечивающие своих клиентов кратким, но приятным общением. Безусловно, они делают это не совсем бесплатно, ведь цены у них, конечно же, были выше, чем в более крупных магазинах: мелкие торговцы понимали, что их улыбки и любезности были способом обеспечить себе приток постоянных и верных клиентов, а значит, преуспеть в бизнесе. Однако не будем чересчур цинично относиться к улыбкам лавочников: стоит заметить, что такие любезности позволяли и им самим снять напряжение дня, который в противном случае состоял бы только из нарезки, взвешивания и подсчёта денег.

В этом случае мелкая буржуазия ежедневно, надежно и бесплатно оказывает обществу такую услугу, которую едва ли сможет предоставить какое-нибудь официальное лицо или ведомство. И это всего лишь одна из многих бесплатных социальных услуг, оказываемых мелкими лавочниками в своих собственных интересах.

Джейн Джекобс упомянула о многих из них в своих замечательных этнографических исследованиях структуры городских районов [32]. Её фраза «глаза, следящие за улицей» в 1960 году была внове, но теперь стала принципом, согласно которому в наши дни проектируют новые кварталы. Имеется в виду постоянное неформальное наблюдение за кварталом, осуществляемое пешеходами, продавцами и жителями района, многие из которых знают друг друга. Их присутствие и оживлённость улицы способствуют поддержанию правопорядка почти без необходимости вмешательства извне. Мораль заключается в том, что такое неформальное наблюдение за улицей предполагает густонаселенный район, использующийся в разных целях, где есть много маленьких магазинов, ателье, жилых домов и предприятий сферы обслуживания, обеспечивающих постоянное пешее движение курьеров, зевак и людей, идущих по своим делам.

Мелкобуржуазные лавочники — ключевые участники этого процесса, потому что они находятся на месте большую часть дня, знают своих клиентов и присматривают за улицей. Такие районы куда безопаснее пустынных кварталов с редкими пешеходами. В данном случае мы снова видим, что ценная услуга — обеспечение общественной безопасности — становится побочным продуктом других видов деятельности и совершенно бесплатна для общества. В отсутствие же подобных неформальных структур обеспечить порядок даже полиции удастся с трудом.

Улыбки и прочие услуги, которые оказывала мелкая буржуазия, просто невозможно купить за деньги. Джекобс отметила, что почти на каждом углу был магазинчик, работавший допоздна, и жители квартала просили продавца держать у себя ключи от их квартиры для родственников и друзей из других городов, которые будут пользоваться жильем в их

отсутствие, и торговец оказывал им эту услугу совершенно бесплатно. Невозможно представить, чтобы такую услугу оказывало государственное учреждение.

Несомненно, крупные магазины могут предложить покупателям товары по более низкой цене, чем мелкая буржуазия. Однако не факт, что, принимая во внимание весь общественный вклад последней в такие сферы, как неформальная социальная работа, общественная безопасность, эстетическое наслаждение от оживленного и интересного уличного ландшафта, обилие разного социального опыта и персонализация услуг, сеть знакомств, обмен местными новостями и сплетнями, кроме того, основа для солидарности и совместной деятельности, а также (в случае с малоземельным крестьянством) надлежащее управление земельными ресурсами, в долгосрочной перспективе мелкая буржуазия не будет намного лучше, чем большая и безликая капиталистическая фирма. И хотя они не вполне соответствуют джефферсоновскому идеалу уверенных в себе, независимых и свободных земледельцев, они гораздо ближе к нему, чем сотрудники «Уолмарт» (Walmart) или «Хоум Депо» (Home Depot).

И наконец, общество, в котором преобладают мелкие землевладельцы и лавочники, ближе к равенству и общественной собственности на средства производства, чем любая известная на сегодняшний день экономическая система.

Версия #2

Зверобой создал 9 июня 2025 18:01:54

Зверобой обновил 9 июня 2025 18:04:39